

АФРИКАНСКИЕ КОНФЛИКТЫ И РЕЛИГИОЗНЫЕ РИТУАЛЫ

(НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В ЛИБЕРИИ)

Т.С. ДЕНИСОВА

Кандидат исторических наук
Институт Африки РАН

Ключевые слова: гражданские войны, Африка, Либерия, Поро, Санде, религиозные ритуалы

На рубеже XX-XXI вв. в Либерии произошли две гражданские войны, непосредственно связанные между собой и характеризовавшиеся высоким уровнем применения насилия. Жертвами столкновений между вооруженными группировками, а также между ними и правительственными войсками стали около 150 тыс. человек, более 1 млн оказались беженцами.

Первая гражданская война (1989-1997) началась в ночь на Рождество 1989 г., когда отряд боевиков Национально-патриотического фронта Либерии (НПФЛ) во главе с Чарльзом Тейлором вторгся на территорию либерийского графства* Нимба из соседнего Кот-д'Ивуара. К концу 1990 г. Тейлор контролировал свыше 90% территории страны, но не смог захватить столицу Монровию, в которую вступили отряды отколовшегося от НПФЛ Независимого национально-патриотического фронта Либерии (ННПФЛ) во главе с Принсом Джонсоном, в сентябре 1990 г. убившим президента Либерии Самюэла Доу (1980-1990).

Для разрешения конфликта в августе 1990 г. в Либерию, по решению Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС), был отправлен воинский контингент этой организации - ЭКОМОГ, в состав которого в основном вошли нигерийские солдаты и офицеры. Начались поиски примирения. Летом 1992 г. произошло несколько столкновений между НПФЛ и новой вооруженной фракцией - Объединенным освободительным движением Либерии за демократию (УЛИМО). В октябре 1992 г. Тейлор пытался захватить Монровию, но совместными действиями ЭКОМОГ, УЛИМО и

либерийской армии его наступление было отбито.

Первая гражданская война, несмотря на подписание нескольких соглашений о прекращении огня, фактически продолжалась до 1997 г., когда были проведены выборы, в результате которых Ч.Тейлор - инициатор войны - стал президентом.

Существование в стране многочисленных военно-политических группировок и скопление огнестрельного оружия на фоне экономического спада и политической нестабильности привели к началу второй либерийской войны (1999-2003). Под эгидой ЭКОВАС в мае 2002 г. начались переговоры между сторонами в конфликте и переброска миротворческих войск ООН из Сьерра-Леоне в Монровию. В результате Тейлор был вынужден оставить пост главы государства, передав власть вице-президенту. К октябрю 2004 г. было разоружено более 100 тыс. боевиков.

В апреле 2012 г. Ч.Тейлор был признан Международным уголовным судом (МУС) виновным в совершении военных преступлений, а также преступлений против человечности.

ЭКЗОТИКА ИЛИ ДУХИ ПРЕДКОВ?

Западные журналисты, направлявшиеся в Либерию для освещения событий в этой горячей точке, были поражены: боевики позировали - особенно в первые месяцы войны - в костюмах, которые в другой ситуации могли бы рассматриваться как карнавальные. Многие бойцы-мужчины носили женские парики и платья, украшали себя человеческими костями, обвешивались амулетами¹. В результате Либерия, и до того мало знакомая европейцам и американцам, стала восприни-

Боевики с раскрашенными лицами.

маться как нечто, находящееся на стыке первобытной дикости с голливудскими "ужасиками". "Добро пожаловать в Либерию - место, где ведется одна из самых эксцентричных и жестоких из африканских войн, - писал корреспондент "Вашингтон Пост". - Это война, во время которой обкуренные солдаты красят ногти в ярко-

* По аналогии с административной системой США, где штаты делятся на графства, территория Либерии разбита на 15 графств.

красный цвет перед тем, как идти в бой... Это единственная война, в которой участвует подразделение солдат, полностью раздевающихся перед боем... Это война, в которой дети-солдаты в одной руке несут пластмассовую куклу, а в другой - АК-47 и раскрашивают лица косметикой или глиной, полагая, что это защитит их от пуль”².

Безусловно, не следует игнорировать подобные репортажи, однако необходимо тщательно вникнуть в суть явлений, которые лишь на первый взгляд кажутся выходящими за рамки здравого смысла. Следует учитывать, что некоторые виды насилия и особенно жестокого поведения, свойственного боевикам, участвовавшим в либерийских войнах, имеют отношение к традиционным ритуалам и духовным символам прошлого.

Многие участники войны вполне искренне полагали, что именно боги и духи управляли ими в их действиях. Причем это было не их личным извращенным представлением о действительности, а следствием принятия концепции, что религия, вера - главные инструменты формирования социально-политического порядка. Известно, что большинство верующих, будь то христиане, мусульмане или приверженцы традиционных верований, искренне верят в важность религиозных ритуалов.

Религиозные идеи были настолько важными для формирования взглядов либерийцев на события, очевидцами которых они становились, что многие из них действительно полагали - ими управляла потусторонняя воля. “Аллилуйя! - кричал Принс Джонсон, обращаясь к группе насмерть перепуганных жителей Монровии после убийства им президента страны С.Доу. - Я уничтожил Доу властью Господа! Я убил многих людей... Слава Богу!”³.

Люди часто уповают на помощь Бога или богов, когда идут на войну. Представители многих африканских племен в прошлом верили, что убийство ради власти и богатства в определенных обстоятельствах вполне допустимо. Впрочем, это не означало, что в массе своей они были готовы оправдать любого, совершившего

убийство “по указанию Бога”. Духовный мир людей, населявших современную территорию Либерии, в прошлом управлялся правилами и процедурами, предполагавшими существование определенных ограничений на действия таких инициаторов или участников насилия, как Ч.Тейлор, П.Джонсон, С.Доу и др.

Многие либерийцы верили и продолжают верить, что все происходящее вокруг и их собственные действия являются отражением турбулентностей невидимого мира, который проявляется в явлениях, знаках и символах. Президент С.Доу, например, полагал, что его судьбой управляла некая сила, которую он считал божественной. Как в свое время Жанна д’Арк и другие герои прошлого, он также слышал “голоса”, например, своевременно предупредившие его о готовившемся в ноябре 1985 г. перевороте. Окружение Доу верило, что глава государства был невосприимчив к пулям и обладал способностью исчезать в случае опасности, даже авиакатастрофы. Он культивировал контакты с колдунами, знахарями, предсказателями и жрецами религиозных культов по всей Африке. В целях укрепления своей власти он якобы мог, как утверждалось близкими ему людьми, выпить крови врага или съесть плод, вырезанный из чрева беременной женщины⁴.

Командир спецназа ННПФЛ, а затем лидер ННПФЛ П.Джонсон также был постоянно озабочен “духовными проблемами”, а вынужденный в 1993 г. отказаться от претензий на пост президента, он начал посещать теологический колледж в Нигерии и позже объявил себя новоявленным Иисусом Христом⁵.

Если не учитывать важность традиций, в т.ч. масштабов приверженности традиционным религиозным верованиям в этой западноафриканской стране, поведение многих либерийцев в ходе вооруженных столкновений может показаться неадекватным. Именно таким образом его описывали многие западные журналисты и, как это ни удивительно, даже исследователи. Действительно, визуально вооруженные столкновения между отрядами либерийских боевиков, а также между ними и регулярной армией

представляли собой резкий контраст с начавшейся примерно в то же время - в августе 1990 г. - войной в Персидском заливе, в ходе которой воевавшие стороны располагали новейшим вооружением и оборудованием.

События в Африке 1990-х гг. (войны в Либерии, Сьерра-Леоне, Сомали и Судане, геноцид в Руанде и др.), казалось, убедили “цивилизованный мир” в том, что Африка потонула в анархии, окрашенной дикостью и суевериями.

Все либерийские вооруженные фракции адаптировали различные символы военной мощи, бесстрашия и неуязвимости. Наиболее популярными среди них были веревки, пучки трав, собачьи хвосты и головы петухов, желательны черных. За неимением подобных предметов, употреблявшихся жрецами во время магических действий, даже солдаты регулярной армии, в известной мере отдалившиеся от традиционной жизни, но не утратившие веры в талисманы и обереги, дополняли военную форму париками, противогазами и ни к чему не присоединенными наушниками⁶.

ПОРО И САНДЕ

В сельских районах северо-запада страны важную роль в социально-политической жизни, в т.ч. и во время войны, продолжали играть религиозные общества - Поро (для мужчин) и Санде (для женщин), практиковавшие определенную модель инициации.

Лидеры вооруженных группировок, прежде всего это относился к руководителю Национально-патриотического фронта Либерии Чарльзу Тейлору, в течение всего периода конфликта старались “заботиться” о “духовной поддержке” их движений потусторонними силами. Подготовка новых рекрутов начиналась с быстрого ритуала, напоминавшего церемонию инициации, во время которого боевикам наносились татуировки или небольшие порезы на коже, благодаря чему они получали “иммунитет” от пуль противника. Во время инициации в них выстреливали из ружья, заряженного (в тайне, если ее можно было сохранить) холостыми патронами, чтобы доказать эффективность ритуала. Для подоб-

ной акции приглашались либо “специалисты”, либо это вменялось в обязанности полевым командирам. Зачастую церемония проводилась жрецами Поро, способными убедить молодых солдат в их неуязвимости⁷.

Либерийцы - приверженцы традиционных верований - полагают, что они обитают в пространстве, населенном и контролируемом невидимыми персонализированными духовными существами, взаимодействующими с людьми разными путями. Духи могли становиться видимыми с помощью масок, использовавшихся во многих религиозных ритуалах.

Хотя в последние десятилетия традиционные поверья претерпели существенные изменения, маски все еще популярны в провинциальных районах Либерии, особенно на севере и западе страны. В центральных регионах маски напрямую вовлечены в контроль духовных сил над местными общинами⁸.

Поро и Санде, широко использующие маски, в либерийской глубинке контролируются местными советами старейшин. Ритуалы, которые они проводят, обычно скрыты от глаз посторонних. Некоторые члены Поро одновременно являются участниками других обществ, зачастую связанных с определенными навыками и умениями, например, способностью излечивать от укусов змей.

Разные аспекты организации ритуалов Поро и Санде побудили исследователей идентифицировать их как тайные общества, хотя это не вполне правомерно, так как во многих общинах все взрослые мужчины и женщины являются их членами и не скрывают этого. “Секретность” состоит, скорее, в способах передачи информации - исторической, связанной с ритуалами, знахарством, колдовством и т.д. - от учителя избранным ученикам, а не в попытке отстранить соплеменников от участия. Внутри общества Поро существуют высшие жреческие уровни, которых можно достигнуть лишь постепенно, переходя со ступени на ступень⁹.

То, что определенная религиозная практика квалифицируется как традиционная, не означает, что она не меняется. Скорее, ее использование указывает на спо-

соб мышления коренных либерийцев (т.е. жителей глубинных, лесных районов, а не американо-либерийских переселенцев, прибывших на территорию нынешней Либерии в XIX в.) и понимание ими идей, унаследованных от предыдущих поколений, в противоположность привнесенным.

Некоторые традиционные институты заметно трансформировались на глазах одного поколения - в ответ на перемены в общественной жизни, но общества Поро все еще играют важную религиозную и политическую роль в сельских районах, хотя они и слабее, чем были в прошлом.

ЛЕСНОЙ ДЬЯВОЛ

Все религиозные организации имеют свои представления о природе власти в человеческом обществе. По мнению жрецов Поро, она осуществляется невидимыми духами, населяющими мир, прежде всего духами животных и предков, легко проникающих в оболочки живых людей. Человек, которым овладевает дух, на время утрачивает собственную душу. Дух леса известен в современном либерийском английском языке как Лесной дьявол. Ранними христианами миссионерами, благодаря которым и было введено это обозначение, оно определено использовалось с отрицательным оттенком, поскольку в христианстве дьявол является персонализацией зла. Между тем, если для членов общества Поро лесной дух и является устрашающим и опасным, он ни в коей мере не соответствует Дьяволу в христианском понимании. Скорее, он символизирует силу, которая может быть использована для наказания - в интересах общины - преступника или отступника. Таким образом, лесной дух выступает в роли гаранта порядка.

Многие литературные и научные описания религиозных ритуалов грешат определенной нечеткостью. Это относится и к человеческому жертвоприношению, для коренных либерийцев представлявшему собой своеобразную форму контакта между человеческим и потусторонним мирами.

Практика принесения человека в жертву и поедания человеческой плоти, рассматривавшаяся западными и американо-либе-

рийскими исследователями как каннибализм, вызывала сильную антипатию “цивилизованных” людей к этому явлению. Между тем, эта практика имеет неодинаковые значения для различных - например, африканских и европейских - человеческих обществ. Для понимания причин ее распространения среди либерийских боевиков в 1980-е - 2000-е гг. необходимо проследить историю применения этой практики на нынешней территории страны.

Некоторые ученые-антропологи полагают, что слухи о “поедании человеческой плоти” не имеют под собой никакой реальной основы или касаются только самых сильных и властных представителей традиционных обществ¹⁰. При этом встает вопрос, действительно ли этот процесс является частью религиозного ритуала, или это лишь метафора, словесная форма.

Другие исследователи не сомневаются в правдивости слухов о каннибализме, указывая, что среди отдельных групп жителей лесных районов Сьерра-Леоне, Гвинеи и Либерии, разделявших общие религиозные верования, поедание плоти, по крайней мере, от случая к случаю, санкционировалось вождями¹¹.

Рассказы о человеческих жертвоприношениях в Либерии в основном ассоциировались с тайными обществами. Существовали группы людей, веривших, что время от времени ими овладевали духи хищных зверей и что в этом состоянии они могли осуществить ритуальное убийство. В начале XX в. власти страны объявили эти общества незаконными, но некоторые из них тайно продолжали существовать. Однако условия, в которых проводились религиозные ритуалы, в т. ч. жертвоприношения, и люди, отвечавшие за них, постепенно трансформировались - до такой степени, что церемонии стали проходить - например, во время гражданских войн в Либерии 1990-2000-х гг. - вне контроля со стороны религиозной иерархии и без одобрения общины.

Религиозные учреждения Поро современными либерийцами с достаточной степенью корректности называются “лесными школами”. Среди *келле*, *mano*, *лома* и некоторых других племенных

групп, проживающих в северо-западной Либерии и в примыкающих к ней районах Сьерра-Леоне и Гвинеи, а также в некоторых регионах Кот-д'Ивуара, Поро является организацией, главной задачей которой остается проведение инициации молодых людей.

Через Поро подростки интегрируются во взрослое общество и обучаются думать и действовать как мужчины. Инициация проводится на расчищенном участке джунглей, посещение которого чужаками запрещено, где мальчики "поглощаются" духом леса, или Лесным дьяволом. Молодые инициаты Поро получают шрамы на теле в виде узоров, которые считаются следами зубов духа. В лесу подростки живут в специальных лагерях (напоминающих военные базы боевиков), где их знакомят с ритуалами, практикуемыми общиной. Им внушают дисциплину, храбрость и учат определенному поведению, а в конце обучения, которое в прошлом могло длиться 3 года и больше, а к началу в 1989 г. гражданской войны в целом занимало около двух месяцев, подросток возвращался домой в статусе "заново рожденного". Их прежняя суть была "съедена" лесным духом¹².

Хотя сегодня не все либерийцы, проживающие в зоне влияния Поро, прошли инициацию, особенно если они имеют христианское миссионерское образование, инициация все еще остается обычной для *крелле*, *лома* и некоторых других родоплеменных образований, даже если они также приняли христианство. Повзрослев, они могут провести в буше дополнительное время, например, в связи с церемонией инициации следующей возрастной группы, и таким образом получить более высокий ранг в тайном обществе.

Реальный контроль над местным обществом Поро остается в руках жрецов, известных как *зоу*. Их позиция обычно передается по наследству и сохраняется в узком кругу религиозной аристократии, в основном потомков местных землевладельцев. Религиозное значение земли выражается в том, что "заново рожденные" возвращаются из буша разрисованными белой глиной (землей) - символом контакта с духовным миром¹³.

Девочки вступают в возрастную категорию взрослых через общество Санде, которое управляется женщинами-*зоу*. В прошлом, до введения христианского образования, человек, не прошедший инициации (в зонах влияния тайных обществ), не мог считаться взрослым и претендовать на позицию в религиозной или политической иерархии.

СТАРОЕ И НОВОЕ

Нельзя недооценивать тенденцию к симбиозу старых и новых идеалов и представлений, свойственных определенному племени и распространяющихся на другие группы в результате социальной мобильности. Христианские и мусульманские идеи проникли в исконную религиозную практику до такой степени, что даже жрецы Поро зачастую становятся христианами и могут отправлять службу в других церквях.

С той же непринужденностью, с какой члены Поро принимают существование потусторонних сил, они верят в реальность событий, описанных в Библии. Комбинация верований Поро и христианства в либерийском варианте показывает, что даже самая древняя традиция может претерпевать изменения.

Хотя правительство и христианские миссии на протяжении многих лет стремились принизить политическую роль Поро, этот процесс не был однозначным. Поощряя миссионерскую деятельность, власти одновременно поддерживали Поро и Санде, понимая, что эти традиционные институты прививали молодежи дисциплину и ответственность. Побочным эффектом подобной политики было распространение влияния Поро на большую часть территории страны. Появление нового духа, известного среди племени *гио* как *нана*, которого не имели ни Поро, ни Санде, определенно произошло под влиянием этих тайных обществ.

Распространение влияния Поро предопределило своего рода "порофикацию" местных религий. На юго-востоке Либерии, где Поро никогда не существовали, большое развитие получили другие тайные религиозные институты - *Бодио* и *Куи*, а также различ-

ные группы знахарей и предсказателей¹⁴.

Необходимо различать Поро и Санде, с одной стороны, и существовавшие в Либерии действительно тайные общества, о составе и ритуалах которых было запрещено рассказывать даже другим членам общины, внутри которой они возникали. Среди них - т.н. змеиные, специализировавшиеся на лечении укусов рептилий; общества, установившие контроль над громом и молнией; общества людей-леопардов или людей-крокодилов, которыми овладевали духи этих животных. Тайные общества последнего типа и поныне распространены во многих районах Либерии.

Отдельные разновидности Поро, возможно, появились еще в средневековом государстве Мали - на территории сегодняшней Гвинеи. Падение этой империи в XVI в. стало причиной обширных миграций, во время которых предки некоторых групп современных либерийцев прибыли на нынешнюю территорию страны, где они поселились среди лесных племен. *Мано*, *менде*, *лома*, *кисси*, *кпелле* и др. подданные императоров Мали имели свои общества Поро, структуры и традиции которых были сохранены ими во время переселения. Тайные общества исконных либерийцев - *кру* - имели другое происхождение¹⁵.

Иммигранты объединили свои обычаи с местными традициями. Тот факт, что правители средневекового Мали были мусульманами, а большинство подданных ими не были, повлиял на восприятие друг друга лесными и саванновыми племенами.

Либерийские *мандинго*, например, считали себя потомками правителей средневекового Мали и потому претендовали на высокий социальный статус, исповедовали ислам и не имели Поро, хотя и оставались носителями определенных эзотерических знаний. Их самоидентификация имела важные последствия, проявившиеся во время гражданской войны 1989-1997 гг., когда вооруженная группировка, отколовшаяся от УЛИМО и возглавлявшаяся А.Кромой (УЛИМО-К), в которой доминировали *мандинго*, старалась изгнать жрецов Поро и память об этом обществе из районов, захваченных ею в графстве Лофа.

Мандинго разрушали лесные святилища, уносили маски и другие ритуальные предметы, унижали и уничтожали жрецов Поро. Это вызвало столь сильное недовольство со стороны местных *кпелле* и *лома*, что некоторые религиозные лидеры, оказавшиеся в лагерях беженцев на территории Гвинеи, в 1993-1994 гг. спонсировали создание собственного ополчения - Сил обороны Лофа (СОЛ).

Ассоциация Поро с землей, лесом и духами диких животных, безусловно, обусловлена чувствительностью лесных племен к природе, к своему окружению, в котором они жили на протяжении многих веков и в условиях которого сформировалось их мышление. Для традиционных либерийцев лес являлся домом, хотя в известном смысле и представлял собой опасное окружение, впрочем, полезное для жизнедеятельности. На людей, полагавших, что духовный мир реален и что духи могут овладевать людьми, «лесные школы» производили глубокое впечатление. Именно в лесных лагерях они впервые пробовали человеческую плоть. Для этого нужны были жертвы, которыми становились мальчишки, нарушившие законы Поро и умерщвленные за это. Их приносили в жертву лесному духу, но душа жертвы продолжала существовать, поскольку часть ее входила в тех, кому доставалось ее сердце или другие органы. В результате некоторые подростки не возвращались из леса, а семьям говорилось, что их поглотил Лесной дьявол¹⁶.

Интеграция в группу жрецов Поро требовала принесения в жертву человека. Получение статуса главного *зоу* предполагало пожертвование собственным сыном, а в его отсутствие - другим близким родственником¹⁷. Хотя неизвестно, с какой частотой происходили человеческие жертвоприношения в Либерии XX в., они однозначно ассоциировались с доступом или стремлением к власти.

«ЛЮДИ-ЛЕОПАРДЫ»

Практика человеческих жертвоприношений также свойственна обществам «людей-леопардов», до сих пор существующим в Гвинеи, Либерии и Сьерра-Леоне. Одно из первых их описаний бы-

ло сделано британскими колониальными чиновниками, обнаружившими в Сьерра-Леоне тайные общества подобного типа¹⁸.

Интересно, что англичане считали общества «людей-леопардов» недавними (для того времени) образованиями, созданными для противодействия колониальной администрации. Группы, которые они изучали, состояли из людей зрелого возраста, встречавшихся тайно и регулярно осуществлявших человеческие жертвоприношения. Потом они поедали плоть своих жертв в расчете на овладение их силой. Главной задачей была добыча человеческих жира и крови, которыми смазывался культовый объект, называвшийся *борфим*. Подобное «кормление» придавало силы ему, а заодно и членам общества. Немецкий врач, видевший культовый объект общества «людей-леопардов» в 1940-е гг., описывал его как кусок черной смолы размером с голову ребенка, завернутый в ткань или кожу леопарда. Врачу сказали, что появление трещин в смоле воспринимается как знак того, что фетиш был голоден¹⁹.

Самые сильные фетиши, в т.ч. те, которые требовали «подкармливания» человеческой кровью, использовались во время военных кампаний, с незапамятных времен происходивших на территории нынешней Либерии с целью захвата рабов и грабежа. *Зоу* и другие жрецы снабжали воинов фетишами и амулетами, многие из которых изготавливались из отдельных частей человеческого тела.

Контроль над жизнью и смертью превратил тайные общества в столпов социально-политического порядка в сельских общинах. Американо-либерийские правители, старавшиеся по соглашению с христианскими миссиями изменить то, что они рассматривали как сатанинское, сверхъестественное и устаревшее, не доверяли религиозным обществам, существовавшим во внутренних районах, которые они намеревались контролировать.

Впрочем, президент Э.Беркли (1930-1944), настойчиво проводивший политику разрушения обществ «людей-леопардов» и направивший с этой целью специальных агентов в сельские районы, столкнулся с тем, что послан-

ники часто сами вступали в них и даже становились каннибалами.

В 1975 г. миссионер, работавший среди *mano* на территории современного графства Бонг, писал, что Поро и Санде продолжали выполнять важные дисциплинарные функции, поддерживая уважение к традиционным ценностям и обеспечивая стабильность в хрупком и фрагментированном обществе²⁰. Именно этот район стал базой НПФЛ во время Первой либерийской войны.

Самые влиятельные американо-либерийские семьи принадлежали к различным христианским деноминациям, но постепенно распространение в Либерии получили христианские общины, ассимилировавшие разные аспекты традиционных африканских верований или ритуалов. В свою очередь, многие члены Поро, Санде и других тайных обществ регулярно посещали христианскую церковь, а некоторые мусульмане практиковали жертвоприношения. Большое число либерийцев принадлежало к нескольким конфессиям одновременно, стремясь получить от этого выгоду. Например, церковь Аладура, привнесенная в Либерию из Нигерии, славилась тем, что предоставляла для своих прихожан возможность узнать будущее, а также изгоняла из них дьявола.

Если в христианстве и исламе хорошее и плохое представлены как абсолютные противоположности, персонифицированные Богом и Сатаной, то в традиционной либерийской религиозной мысли, в т.ч. в теологии Поро, дух леса, например, считается способным как на зло, так и на добро. Причем принесения в жертву детей и родственников ради сохранения установившегося порядка вещей не могут считаться дьявольскими, т.к. делаются с благородной целью. Правда, возникает вопрос, кто должен решать, которая из целей благородна, а какая нет.

Ч.Кинг был первым либерийским президентом (1920-1930), приглашенным на церемонию инициации Поро. После ухода с поста главы государства он использовал оккультные силы для вызова молнии, надеясь разрушить дом его преемника в день инаугурации. По слухам, он при-

надлежал к “людям-крокодилам”. Многие лидеры правящей Партии истинных вигов (ПИВ) вступили в тайные общества, особенно после того, как в одно из них вступил президент Э.Беркли. Президент У.Табмен (1944-1971) был объявлен почетным главой всех обществ Поро, а его жена инициирована в Санде. Одновременно Табмен был главой масонской ложи и одним из лидеров методистской церкви. В 1952 г. специальным актом Табмен поставил Поро и Санде под контроль государства, и помощник министра внутренних дел должен был собирать этнографическую информацию и наблюдать за делами тайных обществ. Преемник Табмена У.Толберт (1971-1980) был и *зоу* Поро, и президентом Всемирного баптистского альянса²¹.

При С.Доу (1980-1990) покровительство различным религиозным группам приняло еще больший размах. Став в 1980 г. главой государства, он не только вступил в общество Поро и провозгласил себя председателем его верховного совета, но и окружил себя многочисленными пророками и шаманами, впрочем, периодически помещая в тюрьму тех из них, кого считал шарлатанами. После захвата власти Доу начал регулярно ходить в церковь, причем выбрал баптистскую - придворную церковь убитого им в ходе переворота президента Толберта. Военный лидер Либерии также посещал мечеть²².

В конце 1996 г. в Поро был инициирован и лидер НПФЛ Ч.Тейлор. Это стало публично известным в день его свадьбы (со второй женой) в методистской церкви Св. Джона в г. Гбарнья 28 января 1997 г. В качестве одного из своих имен он указал Дахкпанах - титул, используемый *зоу* Поро. Для политиков была утверждена специальная церемония инициации, занимавшая один день и не требовавшая обширной татуировки - только пара надрезов бритвой под мышкой. С самого начала войны Тейлор всячески демонстрировал свое уважение к жрецам Поро, позже поддержавшим его во время президентских выборов 1997 г.

В годы правления Партии истинных вигов (1969-1980) слухи о ритуальных убийствах распро-

стрились по всей стране. В основном они осуществлялись традиционными жрецами, но появились и т.н. *хартмены* - наемные убийцы, поставлявшие политикам и бизнесменам, стремившимся к успеху, части тел, прежде всего сердца убитых по заказу. *Хартмены* были не членами тайных обществ, а, скорее, свободными киллерами, специализировавшимися на поставке человеческих органов. До 1980 г. слухов о ритуальных убийствах, совершенных по указанию высокопоставленных правительственных чиновников, было больше, чем их официальных подтверждений. Это неудивительно, так как подозрения, что руководители государства оказались под влиянием сил, которые правоверный христианин считал бы дьявольскими, подрывали идеологическую базу правящей партии.

По словам близких к нему людей, Доу верил, что человеческие жертвоприношения являются средством обретения духовной власти. Даже возведение в 1981 г. памятника неизвестному солдату - в честь переворота 1980 г. (разрушен во время первой гражданской войны) сопровождалось человеческими жертвоприношениями. В 1985 г. солдаты на глазах монровийцев съели части тела Томаса Квивонкпы (главкома либерийской армии), организовавшего переворот против Доу, попытка которого провалилась²³. Министр обороны Грей Эллисон был обвинен по факту осуществления человеческого жертвоприношения в августе 1989 г., и хотя обвинение явно было политическим мотивированным, в его виновности не было сомнений²⁴. Обычно высокопоставленные политики и бизнесмены не приносили в жертву своих родственников, а оплачивали наемных убийц, т.е. человеческое жертвоприношение стало предметом купли-продажи.

ВОЙНА И РИТУАЛЫ

Безусловно, религиозная практика повлияла на поведение боевиков во время войны. Молодежь *гюо* из сельских районов графства Нимба проходила инициацию посредством квазитрадиционных ритуалов. Некоторые мазали лица белой глиной. Использование боевиками

женской одежды - трансвестизм - символизировало воинскую силу, способность существовать в разных обликах. У *гола* гендерная неопределенность была свойственна многим живым существам, предметам и духам. Трансвеститы, реальные или мнимые, появляются в ряде их традиционных ритуалов, а гендерная трансформация и бисексуальность у *гола* свойственны духам диких животных и природных явлений. Кроме того, переодевания символизируют превращение мальчика в мужчину, поэтому использование детьми-солдатами, трансформировавшимися во взрослого воина, женской одежды не должно удивлять либерийцев.

Сочетание женских и мужских элементов в одежде и украшениях имеет защитные функции, а присвоение боевиками военных имен указывает на изменение статуса, на превращение в другого человека, как правило, известного воина. Части человеческого тела, которыми украшают себя повстанцы, - самые сильные из всех возможных талисманов.

В начале войны НПФЛ стремился получить поддержку религиозных лидеров путем проведения ритуалов и привлечения в свои ряды знахарей, предсказателей и т.д. При этом они не обязательно должны были быть либерийцами. Несмотря на то, что вокруг было много своих *зоу*, жрецов приглашали из Кот-д'Ивуара и других западноафриканских стран. Это объяснялось тем, что молодые боевики НПФЛ сомневались в способностях местных *зоу*, которых они знали с детства, но к которым не испытывали большого уважения. Хотя почти все солдаты верили в ритуалы и обереги, т.е. в то, что с их помощью станут неуязвимыми, они в то же время скептически относились к тем лицам, которые, как предполагалось, должны были это обеспечить. Поскольку человеческие “жертвоприношения” в последние десятилетия осуществлялись в основном *хартментами* - наемными убийцами, а не жрецами, молодежь перестала верить в то, что традиционные тайные общества остаются столь же сильными, как раньше.

Только самые выдающиеся *зоу* рассматривались как облада-

тели большой духовной силы. Среди них - Сингби, проживавший до войны около горы Гиб в графстве Маргиби, имеющем репутацию духовного центра. Сингби, возможно, перенес полиомиелит, во всяком случае, он обладал необычной фигурой, а рассказы о его духовной силе - он на расстоянии связывал людей, его не брали пули и т.д. - распространились по всей стране. Командиры НПФЛ, прибывшие в этот район в 1990 г., смотрели на гору с опаской, но некоторые молодые бойцы-скептики уходили в горы и не возвращались, как предполагалось, из-за недовольства Сингби, который, к тому же, сформировал местное ополчение для противостояния НПФЛ. Тейлор безрезультатно пытался привлечь Сингби на свою сторону, предложил ему звание генерала НПФЛ и даже подарил грузовик, заметно повысивший мобильность великого *зоу*. Однако, видимо, в какой-то момент духовные силы оставили Сингби - в 1992 г. он погиб в бою с отрядами УЛИМО²⁵.

Солдаты всех вооруженных фракций, участвовавших в либерийских войнах 1990-х - 2000-х гг., нуждались в поддержке духовных сил. Они были воспитаны в обществе, в котором власть, невидимая по природе, ассоциировалась с ритуалом поглощения человеческих органов, и привыкли верить, что

“употребление” человеческих сердец и крови может придавать силы, поскольку душа “донора”-героя овладевает телом “реципиента”. То есть, тот факт, что боевики поглощали человеческую плоть во время войны, был следствием не физического голода, а унижения врага и обретения его силы - идея, инспирированная ритуалами жертвоприношения. Одни боевики побуждались к подобным действиям жрецами, другие - импровизировали в надежде, что станут могущественнее. Сердце же ассоциировалось с механикой, мотором.

В апреле 1996 г., во время “битвы за Монровию” между отрядами НПФЛ и вооруженными фракциями, поддержанными ЭКОМОГ, в одной из либерийских газет указывалось, что бойцы обеих сторон были вовлечены в каннибализм и колдовские ритуалы²⁶.

Манипулирование духовными силами, в т.ч. посредством людоедства, является одним из символов взросления. Солдаты-подростки рассматривали войну как путь в мир взрослых и верили, что проведение религиозных ритуалов, или их части, было компонентом этого процесса.

Но не только подростки полагают, что приобретут силу путем поедания человеческих сердец. Люди, близкие к Тейлору во время войны, утверждали, что в доме лидера НПФЛ - будущего президента Либерии - осуществлялись

человеческие жертвоприношения под руководством его дяди - Дженсена Тейлора²⁷. Что говорить о мальчишках, воспитанных в либерийской глубинке, если известные политики и военные бароны, получившие образование в США, такие, как Ч.Тейлор и П.Джонсон, судя по всему, искренне верили в силу религиозных ритуалов?

Однако следование традициям не означало, что вооруженные столкновения становились типом культового поведения. Главными целями боевиков оставались обогащение путем грабежа, получение более высокого социального или военного статуса, а также месть врагам за погибших родственников и друзей. Для их достижения бойцы нуждались в силе и поэтому прибегали к традиционной практике. Естественно, что во время войны она получила большее распространение, чем в мирные годы. Несомненно, были боевики, никогда не принимавшие участия в ритуалах жертвоприношения. Можно было бы предположить, что даже если эта практика и имела место во время войны, она все-таки сохраняла маргинальный характер, но многочисленные свидетельства говорят об обратном.

Неудивительно, что боевикам, участвовавшим в жертвоприношениях, часто снились их жертвы. Причем бывшие солдаты воспринимали свои сны не как чисто субъективный феномен, а как сообщения из духовно-

Боевик в женском свадебном платье.

го мира, реально и объективно существующего. Некоторые, измученные сновидениями, обращались к христианству и объявляли о своем духовном перерождении.

Подобное превращение произошло, в частности, с хорошо известным полевым командиром Либерийского совета мира (ЛСМ) Джошуа Милтоном Блайи, известным как “Голый генерал” и возглавлявшим отряд, бойцы которого сражались полностью обнаженными, полагая, что это защитит их от пуль. Во время “битвы за Монровию” в апреле 1996 г., в которой он сыграл заметную роль, Блайи, по его словам, “возродился во Христе”. Позже он побывал в Иерусалиме и по возвращении создал собственную христианскую секту в одном из столичных районов.

Блайи утверждал, что в первый раз принял участие в человеческом жертвоприношении в 11-летнем возрасте и продолжал эту практику каждое новолуние в течение следующих 14 лет. Он отмечал, что убийство для него было развлечением и что он регулярно встречался и разговаривал с Сатаной²⁸.

Христианское учение было особенно привлекательным для боевиков, желавших порвать с прошлым, в котором они жестоко убивали женщин, стариков и детей, возможно, потому, что, согласно этой вере, святой дух универсален по природе, может проникать в телесную оболочку и

«Солдат» в парике.

таким образом обеспечивать мгновенную духовную трансформацию. Многие бывшие воины утверждали, что стали новыми людьми в христианской ипостаси. Это позволяло им рассматривать свои действия во время войны как работу другого существа, исчезнувшего в тот момент, когда они стали христианами. Некоторые новообращенные были потрясены своими действиями во время войны - в прежней жизни.

Человеческие представления о том, что хорошо и что плохо, могут варьироваться время от

времени и от места к месту. Так, многие провинциальные либерийцы в недалеком прошлом верили, что вести войну с целью удовлетворения жажды наживы - вполне достойное занятие. В мирное же время осуществление насилия контролировалось религиозными жрецами и традиционными вождями, которые направляли его и не позволяли выходить за рамки, обусловленные тем или иным ритуалом. Таким образом, формы насилия, даже человеческие жертвоприношения, санкционированные членами того или иного социума, превращались для них в “нормальные” явления. То есть духовный мир племен, населявших современную территорию Либерии, в прошлом управлялся правилами и процедурами, ограничивавшими действия участников насилия.

Позже, под влиянием различных факторов экономического, политического и психологического свойства религиозные представления либерийцев пережили определенные трансформации, и именно этот симбиоз традиционных и современных норм морали в наибольшей степени повлиял на поведение участников вооруженных столкновений в годы гражданских войн в Либерии.

¹ Campbell M. Rebels Deal out Death on Road to Monrovia // Sunday Times. L., 12 August, 1990.

² Richburg K. Out of America: A Black Man Confronts Africa. N.Y., 1997, p. 134.

³ Youboty J. Liberian Civil War: A Graphic Account. Philadelphia, 1993, p. 449.

⁴ Seiltua J. I Came to Know God in 1981 // Daily Observer. Monrovia. 5 January, 1990.

⁵ Daniels A. Monrovia Mon Amour, L., 1992, p. 87-102.

⁶ Agetua N. Operation Liberty: The Story of Major General Joshua Nimyel Dogonyaro. Lagos, 1992, p. 101.

⁷ Tokpa H. Cuttington University College during the Liberian Civil War: An Administrator's experience // Liberian Studies Journal, XVI, 1 (1991), p. 87.

⁸ Siegmund W. Spirit Manifestation and the Poro Society. Zurich, 1980, p. 90.

⁹ Bellman B.L. The Language of Secrecy: Symbols and Metaphors in Poro Ritual. New Brunswick, 1984.

¹⁰ Arens W. The Man-Eating Myth: Anthropology and Anthropophagy. N.Y., 1979.

¹¹ The Ethnography of Cannibalism. Washington, 1983.

¹² Bellman B.L. Village of Curers and Assassins: On the Production of Fala Kpelle Cosmological Categories. The Hague, 1975, p. 68.

¹³ Harley G.W. Notes on the Poro in Liberia. Cambridge. 1941, p. 14, 17.

¹⁴ Fraenkel M. Tribe and Class in Monrovia. L., 1964, p. 172.

¹⁵ Tanyor N.K. Religions in Liberia // Liberia-Forum, 1989, № 5, p. 3.

¹⁶ Griffith W.B. Preface: Beatty K.J. Human Leopards. N.Y., 1978, p. VIII.

¹⁷ Mills D. Trough Liberia. L., 1926, p. 112.

¹⁸ Blanchard D.G. The Impact of External Domination on the Liberian Mano Economy. Indianapolis. 1973, p. 73-75.

¹⁹ Junge W. African Jungle Doctor: Ten Years in Liberia, L., 1952, p. 185.

²⁰ Harrington P.J. Secret Societies and the Church: An Evaluation of the Poro and Sande Secret Societies and the Missionary Among the Mano of Liberia. Rome, 1975, p. 5-6.

²¹ Sawyer A. Effective Immediately: Dictatorship in Liberia, 1980-6: A Personal Perspective. Bremen, 1987, p. 29.

²² Brehun L. Liberia: The War of Horror. Accra, 1991, p. 25.

²³ Hubund M. The Liberian Civil War. L., 1998, p. 92.

²⁴ Human Rights Violations in Liberia, 1980-1990: A Documentation. Bremen, 1990, p. 223-225.

²⁵ The National. Freetown. 11 April 1991.

²⁶ The Inquirer. Monrovia, April-July 1996, p. 2-4.

²⁷ New Democrat. Monrovia, №2, 30 November - 5 December 1995, p. 4.

²⁸ Osagie-Usman C. Mission of Revenge // West Africa, № 3984 (7 February 1994), p. 205.